

16+

Александр Симатов

Танино счастье

Александр Вениаминович Симатов
Танино счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28540400

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказ об одиночестве и любви.

Содержание

1	4
2	8
3	17

1

У Таньки было отзывчивое сердце, неразвитая грудь и звонкий голос. Она носила очки, лифчики на толстом поролоне и свободные свитера. Волосы собирала разноцветными резинками в хвостик на затылке.

В лица людей Танька смотрела чуть пристально; в ее серо-голубых глазах легко угадывалось стремление к общению, близкое к навязчивости; невидимым внутренним движением навстречу окружающим она словно кричала: «Граждане, поговорите же со мной!» Она с удовольствием составила бы вам компанию в туристическом походе, бродила с вами по музеям, провела вечер в кафе на любом перекрестке города – само занятие не имело для нее особого значения. Главное, чтобы ей предложили провести время вместе, а значит, обратили бы на нее внимание, которого ей крайне не хватало.

Когда она говорила своим высоким голосом, то немного наклоняла голову вперед к собеседнику, будто сомневалась, что ее услышат. Иногда ее спрашивали: «Танька, ты зачем кричишь?» Она не обижалась и отвечала в пафосной манере: «Я не кричу, я выплескиваю свои мысли наружу!»; она любила выражаться образно, даже писала стихи в тайный блокнотик, но никому их не показывала.

В компаниях Танька непременно старалась обозначиться и спешила с громкими высказываниями, боясь потеряться среди приятелей и подружек; учитывая ее небольшой рост и незапоминающуюся внешность, потеряться ей было несложно.

Но так разговаривала она не всегда. Когда она плакала, свернувшись на кровати в комочек и обхватив подушку, то после, наплакавшись вволю, жаловалась своим соседкам по институтскому общежитию тихим детским голосом. Плакала она без всхлипов и рыданий, беззвучно, будто теряла ко времени плача всякие силы. И только слезы беспрепятственно катились из ее глаз. В такие минуты, глядя на ее покрасневший нос, на беспомощные близорукие глаза и на блестящие от слез бледные щеки, кажется, сердце любого человека могло бы наполниться жалостью. Подружки утешали ее: «С чего ты взяла, что ты никому не нравишься?» – но безучастливо и неискренне. Танька не чувствовала в их словах фальши и была им благодарна. В отличие от них ей хватило бы малой толики мужского внимания, но и такой малости ей не перепало.

Отчаявшись встретить кого-нибудь сколько-нибудь надолго, она решила, что надо что-то с собой делать, надо что-то менять, и начала вносить в свою жизнь коррективы, смело и без оглядки: то без устали жевала резинку, то с узких обтягивающих джинсов переходила на клеш. Или отказывалась от хвостика, распускала волосы и ежедневно мыла их, доби-

ваясь большего объема. Или меняла шариковые дезодоранты на спрей. Сделала себе пирсинг пупка. На плече нарисовала татуировку в виде ящерицы. Меняла тени для век, перепробовав всю цветовую гамму. Наконец решила, что одних внешних перемен недостаточно, увлеклась чтением модных авторов и пыталась заводить о прочитанных романах беседы, вызывая у собеседников зевоту.

Танька менялась, но отношение к ней молодых людей оставалось прежним. Так и не выбравшись из одиночества, она поставила окончательный нелицеприятный диагноз противному полу и перестала обращать на его представителей внимание. Потом начала пропускать лекции в институте, нарочито нецензурно выражаться и отдавать предпочтение крепким спиртным напиткам. Потом научилась курить и добила себя окончательно.

Много позже, вспоминая те полгода, когда она вела себя так, что даже выдавшие виды компании сторонились ее, Танька сама себе удивлялась.

После полугода падения маятник достиг, наконец, нижней точки, и его, согласно ученому закону, потащило вверх. С какого-то солнечного апрельского дня Танька замкнулась в себе, на лекциях начала вести конспекты, а по вечерам задерживаться в институтской библиотеке. Там же, в библиотеке, в первый день новой жизни, она смяла пачку сигарет и выбросила в корзину. Шумные пьяные компании более ее не интересовали. Институтские подружки недоумевали: Танька

перестала плакать и жаловаться.

2

В один из теплых майских дней Таня в одиночестве гуляла по городу. Ей не хотелось ни с кем общаться, с некоторых пор одиночество перестало ее тяготить.

Невольно попадая в разные его уголки, она обнаружила однажды, что плохо знает областной город и за два года учебы в нем мало где побывала. Вот и это старое здание больницы с ярко-зеленой крышей и белыми колоннами, и этот больничный парк с покосившимися беседками и вековыми липами, вдоль которого она сейчас шла, повстречались ей впервые. Она рассеянно глядела на молодую зелень парка и думала о том, что будет делать после сессии. Отправиться куда-нибудь на отдых не было возможности. Оставалось либо поехать домой в райцентр, либо на лето устроиться на работу. Первый вариант прельщал относительным бездельем, но под контролем матери, второй – относительной свободой и заработком. В действительности ее размышления были сродни фантазиям. Она понимала это, но все равно фантазировала: ей хотелось думать, что у нее есть выбор. Она знала, что останется в городе и пойдет работать.

Неожиданно ее размышления были прерваны.

– Девушка, возьмите ветку сирени! – раздался вдруг чей-то веселый голос.

Таня остановилась и посмотрела сквозь частокол прутьев больничного забора. Рядом с большим кустом цветущей сирени в инвалидной коляске сидел коротко подстриженный молодой человек лет тридцати. У него были мощные бицепсы, выпирающие из рукавов тенниски. Он держал в руке ветку сирени и улыбался.

Таня растерялась.

– Вы не любите сирень? – не дождавшись Таниной реакции на его предложение, поинтересовался молодой человек.

– Люблю... А почему мне? – удивилась она.

– А почему не вам? – удивился молодой человек.

Таня насторожилась и принялась разглядывать незнакомца, ища какой-нибудь подвох в его поведении или что-нибудь в этом роде, но ничего странного не находила. Разве что казалось, что молодой человек атлетического телосложения сел в инвалидную коляску ради забавы. На его добродушном круглом лице прищуренные от вечернего солнца глаза светились озорством.

«Что он ко мне прицепился?» – подумала Таня и сказала с упреком:

– Вы, между прочим, не очень-то щедры.

Молодой человек Таню не понял.

– Что вы имеете в виду? – спросил он.

– При таком богатстве, – сказала Таня и махнула рукой в сторону куста с шапкой пышных махровых цветов.

– Вы об этом, о моей одинокой ветке, – догадался молодой

человек. – К сожалению, внизу все уже обломали, а выше мне не достать.

Он грустно улыбнулся, но вдруг, осененный идеей, потянулся рукой за спину, вытащил из багажной сетки трость с закругленной ручкой и победно поднял ее над головой.

– Не зря же все время с собой вожу! Сейчас будет у вас приличный букет.

Таня опомнилась и заговорила торопливо, пытаясь остановить незнакомца.

– Не надо, что вы. Я просто так сказала. Не надо, говорю же вам! – повысила она голос, надеясь избежать неловкой ситуации.

Но молодой человек не обращал внимания на ее слова. Он въехал в самую гущу куста и начал тростью притягивать к себе верхние ветки с цветами, обламывать их и складывать на колени. Вскоре он показался с букетом в руке.

– Что вы теперь скажете, я щедр или нет? – спросил он.

– Я же вас просила, зачем вы. Извините.

– Вам не за что извиняться, – подъезжая к забору, успокоил Таню молодой человек, – ваше замечание было справедливым.

Приблизиться вплотную ему мешала рыхлая земля. Тогда он зацепился тростью за металлический прут, подтянул себя к ограде и оказался в двух шагах от Тани. У него были васильковые глаза и полные губы. Улыбаясь, он смотрел на Таню без тени смущения, которое обычно сопровождает пер-

вые минуты знакомства. От охватившего ее волнения Таня растерялась и не знала, что сказать. Видя ее состояние, молодой человек поспешил ей на помощь.

– Вы не переживайте, это всего лишь букет... для вас... от Дениса, – сказал он и между прутьев протянул Тане первую ветку. – Возьмите, пожалуйста.

– Спасибо, – не глядя на молодого человека, непривычным для себя тихим голосом сказала Таня, принимая цветы.

Когда букет перекочевал из рук в руки, Таня решилась представиться:

– Меня зовут Таня.

– Очень приятно, – ответил Денис.

Как вести себя дальше, Таня не знала. Наступила неловкая пауза. Чтобы как-то заполнить ее, она стала нюхать сирень. Денис, не имея подходящего занятия, попытался отъехать от забора, помогая себе костылем. Наконец ему это удалось, и он вернулся на твердое травяное покрытие.

Таня подняла на Дениса глаза, их взгляды встретились. Сквозь бледную кожу Таниных щек пробился легкий румянец.

– Запах необыкновенный, – преодолевая смущение, сказала она. – А для кого вы приготовили ветку сирени?

– Для вазы... на посту дежурной медсестры.

– Почему же вы передумали?

– Требуется признания? – улыбнулся Денис.

– Вы спрашиваете, будто я прокурор, – сказала Таня.

Она подумала, не уйти ли ей, хотя уходить не хотелось. Да и букет в руках не позволял так просто расстаться.

– Я заметил вас, когда вы показались из-за угла парка, – начал объяснять Денис.

– И решили, что медсестра обойдется, – засмеялась Таня.

– Вы шли как-то странно, ничего не видя, вся в себе, что называется.

Таня закивала ему в ответ:

– И вам захотелось меня пожалеть.

– Почему вы так решили? – спросил Денис. – Прежде чем жалеть человека, надо знать, что ему это необходимо.

– Разве не всем это надо? – искренне удивилась Таня.

– Конечно, не всем. Мне, например, не надо.

– Совсем-совсем? – спросила Таня, чуть наклонив голову набок.

Она не понимала, что ее вопрос и тон, которым она его задала, могли оказаться неприятными для Дениса, и в ожидании смотрела на него.

Он вернул костыль в багажник за спиной и серьезно сказал:

– Причина ваших сомнений мне понятна. Отвечаю: совсем-совсем.

– Здорово, – позавидовала Таня. – Но вы так и не ответили на мой вопрос.

– Потому что мне так захотелось.

Таня принялась менять ветки сирени местами, делая вид,

что хочет улучшить форму букета.

– Куда вы направляетесь, если не секрет? – спросил Денис.

– Просто гуляю, – ответила она и добавила в своей манере: – Привожу разбросанные мысли в порядок!

– Вот как? – успел скрыть улыбку Денис. – А почему без друзей?

– Чтобы гулять с друзьями, надо их иметь. Надоели все. Может такое случиться с человеком?

– Разумеется, у самого бывает... И давно у вас склонность к одиночеству?

– Не очень. Неохота тусить со всеми – вот и все, – Таня задумалась. – Знаете, я случайно сделала для себя открытие. Наблюдала за нашими компаниями и обнаружила, что любимое занятие у всех – посмеяться над кем-нибудь. Кажется, это единственное, что все делают искренне.

Она присела на край ограждения и теперь вполоборота смотрела на Дениса. Он внимательно ее слушал, и от этого ей стало уютно, словно она в уединенном месте беседовала со своим старым приятелем.

– Наверное, вам не повезло с компаниями. Или что-то случилось и вы просто не хотите говорить.

– Ничего конкретного. Неожиданное осознание ненужности неискренних знакомств! – торжественно объявила Таня.

В Таниной театральности было что-то трогательное и наивное. Денис улыбнулся.

– А у вас отчего? – спросила она.

– Любовь к одиночеству? Эта вещь приобретенная.

Денис хлопнул ладонями по колесам и замолчал.

Таня заволновалась и спрятала лицо в букет. «Кем он работает?» – гадала она, украдкой оглядывая атлетическую фигуру Дениса и вспоминая забытое слово. «Билдинг, билдинг...» крутилось у нее в голове.

– А вы занимаетесь, занимались... – Таня покраснела. – Билдингом?

– Бодибилдингом, – поправил ее Денис. – Нет, к такому самоистязанию я не расположен. Просто регулярно ходил в тренажерный зал.

– Это вам по работе надо было? – спросила Таня.

– Да, по работе, – Денис добродушно засмеялся. – Я работаю в фирме по ремонту цифровой техники. Компьютеры, телефоны. В общем, все такое.

– Вы давно здесь? – осторожно поинтересовалась Таня, боясь спросить лишнее и не понимая, что будет лишним, а что нет.

– Третий день. Жду, когда консилиум соберется.

Слово «консилиум» напугало Таню. Ей хотелось спросить Дениса, что с ним случилось, но она не осмелилась. Ее вдруг охватило ощущение вины перед этим человеком, и она заторопилась.

– Спасибо вам за цветы, мне надо идти, – сказала она, вставая с бетона.

Денис лишь развел руками, мол, надо – так надо. Таня по-

правила задравшийся свитер, помахала ему рукой и медленно пошла вдоль забора.

– Если хочешь – приходи, – сказал он вслед.

Его слова прозвучали громом за Таниной спиной. Она обернулась.

– Вы это... серьезно?

Денис кивнул.

– Серьезно.

Таня остолбенела. Она не могла поверить, что Денис будет ее ждать.

– Постараюсь, сессия у меня, – едва вымолвила она.

– Понятно. Только не тяни с этим, – предупредил Денис.

Таня с недоумением посмотрела на него.

– Еще несколько дней – и сирень облетит, – улыбнулся он.

– Так вы же всю обломали.

– На другой стороне осталась, у главного входа. Там охрана, ломают меньше.

Таня просияла, вернулась, вытащила из букета ветку и просунула руку между прутьями.

– Поймаете? – сказала она и бросила ветку Денису.

– А это зачем? – ловя сирень, спросил он.

– Передавайте привет медсестре, – весело ответила Таня.

Отойдя немного, счастливая и вмиг похорошевшая, вновь обернулась. – Я приду к вам!

Она уходила в смятении чувств и с мыслями о том, что хотела бы и дальше общаться с этим совсем незнакомым че-

ловеком.

Придя в общежитие, рано легла спать. Но спала плохо, несколько раз просыпалась и думала о Денисе. Слово «консилиум», распаляя воображение, не выходило у нее из головы. Она решила, что навестит Дениса после сдачи экзамена.

3

Таня пришла к Денису на третий день. Как и в первую их встречу, он сидел в коляске у того же куста сирени. Они издалека заметили друг друга и замахали руками.

– Здравствуй, Таня! – поздоровался Денис. – Все-таки пришла.

– Здравствуйте. Не ожидали? – спросила Таня.

– Не ожидал.

Ответ Дениса расстроил Таню.

– Можно спросить, почему?

– Потому что есть такая вещь, как жизненный опыт. А он, к сожалению, делает человека черствее и недоверчивее.

– Зачем же тогда вы здесь сидите? – с надеждой спросила она.

– На солнце греюсь после дождика. Люблю вечернее солнце, оно спокойное. И тебя поджидаю.

– «Не ожидал, поджидаю». Вы, по-моему, запутались в собственных словах, – с огорчением сказала Таня.

Денис покачал головой:

– Ничуть. Не ожидать – не значит не ждать.

Таня с сомнением посмотрела на него.

– Я вам красивых яблок принесла, – сказала она и показала пакет. – Но теперь вот думаю, стоит ли их вам отдавать

или не стоит.

– Стоит, еще как стоит. Я только не понял: красивых или вкусных? – улыбаясь, спросил он и подъехал ближе к забору. – Покажи, дай оценить.

Таня раскрыла пакет.

– А вы, оказывается, самый настоящий, обыкновенный нахал.

– Есть немного. Но не обыкновенный, а необыкновенный, – глядя на яблоки, сказал Денис. – Красные с желтыми подпалинами. И впрямь красавцы. Это мои самые любимые фрукты, с детства.

– Опять вы неправду говорите?

– Умница, обошлась без грубости, – похвалил Денис.

Таня отступила от забора и попыталась возмутиться:

– Что вы себе позволяете? Мы же с вами едва знакомы.

– Это легко поправимо, – продолжал шутить Денис.

– Знаете что?

– Что?

– Сейчас уйду и больше не приду! – воскликнула Таня, испугавшись своих слов.

Денис перестал улыбаться.

– Извини. У меня просто сумасшедшее настроение сегодня. Если ты уйдешь, это будет непростительной ошибкой. Поэтому, я думаю, ты не уйдешь.

– Вы вдобавок еще и самоуверенный нахал.

– Я не нахал, Таня. Я действительно хотел, чтобы ты при-

шла.

У Тани учащенно забилось сердце.

– Возьмите ваши яблоки, – сказала она и протянула Денису между прутьями пакет.

Он положил пакет на колени.

– Спасибо. Как твоя сессия?

– Один экзамен уже в прошлом, – сказала Таня и с гордостью добавила: – Причем самый сложный.

– Теперь мне можно тебя похвалить?

Щеки у Тани порозовели.

– А что у вас? – осторожно спросила она. – Как ваш консилиум?

– Все отлично, буду ходить с помощью ходунков.

– Сами? Прямо ногами? – обрадовалась Таня. – А ходунки, что это такое?

– Это такая каракатица о четырех ногах. Опираешься на нее и идешь. Завтра начну учиться под наблюдением врачей. Как научусь – домой отпустят, дальше самостоятельно, – глаза у Дениса заблестели от счастья. – Не буду лениться – восстановлюсь полностью, мне так и сказали.

В это время на дорожке около парка показался долговязый парень. Он держал руки в карманах штанов и шел прыгающей походкой, будто в подошвы его кроссовок были встроены пружины. Когда он поравнялся с Таней, она невольно взглянула на него. Парень жевал резинку, энергично работая челюстями. Его худые руки были покрыты цветными татуи-

ровками, на голове в разные стороны торчали напوماженные волосы.

– Закурить не найдешь? – процедил он, не переставая жевать.

– Не курю, – ответила Таня.

– А у тебя? – бросил он Денису.

– Я тоже не курю, – ответил Денис.

– Что за долбаный пипл! – выругался парень и пошел пружинить дальше.

– Сам ты долбаный, – сказала ему вслед Таня.

Парень обернулся.

– Ты что-то сказала, сучка очкастая?

– Ты сам долбаный, – глядя ему в лицо, повторила Таня.

Парень выплюнул резинку и направился к Тане.

– Не подходи к девушке, или я тебе шею сверну, – пригрозил ему Денис.

– Заткнись, калека, – отозвался парень, – и сиди, где сидишь.

Денис достал из сетки костыль.

– Слышишь, худосочный, подойди поближе, я хочу с тобой поговорить по-мужски.

Парень подошел к забору и сунул лицо между прутьев.

– Как ты меня назвал, колясочник?

Дальше все произошло мгновенно: Денис просунул костыль сквозь забор, крючком ухватил парня за тощую шею и притянул его голову к металлическим прутьям. Денис

действовал так быстро, что парень не успел увернуться и уткнулся лицом в железо. Пытаясь освободиться от деревянного крюка, он изо всех сил напряг шею и уперся руками в прутья. От усилий, прилагаемых с обеих сторон, коляска покатила и врезалась подножкой в основание забора, Денис больно ударился коленями о бетон. Он едва успел перехватить руки на костыле и продолжал удерживать парня.

Не имея возможности вырваться, парень захрипел перекоренным ртом:

– Убью, сука!

– Убьешь, убьешь. Но сначала извинишься.

– Не дождешься, сука.

– Как знаешь, я подожду.

Прошло полминуты. Лицо парня приобрело синюшный цвет, но он терпел. От неудобного положения и зажатых коленей у Дениса начали затекать ноги.

– Вы его не задушите случайно? – заволновалась Таня.

– Случайно нет, только специально.

Наконец Денис решил больше не мучить парня.

– Таня, уходи, пожалуйста, отсюда. Мне придется его отпустить. Я боюсь, что его злоба перекинется на тебя.

– А он вам ничего не сделает? – с тревогой спросила Таня.

– Не волнуйся за меня. Завтра придешь?

– Приду, – сказала Таня и, постоянно оглядываясь, неуверенно пошла вдоль забора.

Завернув за угол парка, она остановилась и посмотрела в

сторону Дениса в последний раз. Из-за кустов Денис ее уже не видел. Убедившись в безопасности Тани, он отпустил парня, не учтя его безумного желания отомстить. Парень попытался схватить костыль, но не успел. Зато он успел напоследок с яростной силой толкнуть его между прутьев забора. В этот момент Денис держал костыль уже в расслабленных руках; конец костыля угодил ему точно в солнечное сплетение. От резкого удара и пронзительной боли Денису сбило дыхание. Увлекая за собой коляску, он опрокинулся на спину, потом завалился набок и очутился на мокрой траве. Яблоki рассыпались вокруг.

Парень ликовал.

– Ну что, доволен, урод? Ползай теперь там!

Таня видела, как упал Денис. Она страшно испугалась и побежала к главному входу в обход парка. Она бежала так быстро, как не бегала никогда в жизни. Она бежала, не обращая внимания на лужи. Она бежала, не обращая внимания ни на что. Когда она пробежала через главный вход с криком: «Там человек упал!», охранник в ответ едва успел крикнуть: «Куда?!» – и понесся вслед за ней вокруг здания больницы. К Денису они подбежали одновременно.

В это время Денис подкатил коляску к забору и, держась за прутья и подтягиваясь на руках, пытался опустить себя на сиденье. Но коляска в самый последний момент либо отъезжала от забора, либо поворачивалась к Денису боком. Таня придержала коляску и помогла ему сесть. Охранник, собрав-

шийся было ругаться, лишь махнул рукой и ушел.

– С вами все в порядке? – задыхаясь, спросила Таня.

– В порядке. Бежала?

– Ну да.

Он внимательно посмотрел на нее. У Тани на лбу выступила испарина, лицо побледнело. Она часто и глубоко дышала, уперев руки в бока и чуть наклонившись вперед. Ей было плохо.

– Приходи в себя, дыши, как тебе хочется, не сдерживай себя, – посоветовал он, продолжая наблюдать за Таней. – Не стесняйся. После будем выбираться в парк.

Наконец Таня отдышалась.

– Ну, тронулись? – предложил Денис.

– Подождите, костыль забыли, – Таня подобрала костыль. – Уберите в багажник, сейчас яблоки соберу.

Она собрала яблоки. Денис положил пакет на колени и выехал на гравийную дорожку.

– Вам не холодно? – спросила она. – У вас спина мокрая. У вас есть что-нибудь теплое в палате? Если хотите, я принесу.

– Спасибо, не холодно. Поехали вон туда, – Денис указал на беседку в углу парка.

Он ловко управлял коляской, объезжая лужи. Таня семенила рядом.

– Зачем вы лужи объезжаете? Петляете как заяц. Прямо ведь проще ехать.

– Не хочу колеса пачкать. Уборщицы потом смотрят, как

на врага.

– Можно я попробую? – попросила Таня.

– Что попробуешь?

– Коляску повезти. Можно?

– Попробуй, – разрешил Денис.

Таня покатила коляску. Она оказалась тяжелой, лавировать между лужами было совсем непросто. Коляска то и дело попадала в грязь, и Таня скоро остановилась.

– Устала? – улыбаясь, спросил Денис.

– Немного, – ответила она. – А что вы ухмыляетесь? Вы думаете, у меня не получится? Напрасно, я научусь.

Денис перестал улыбаться, снял перчатки, взял Таню за руку и пристально посмотрел ей в глаза. От прикосновения его большой теплой руки Таню охватило волнение.

– Что случилось? – спросила она. – Вы мне не верите?

– Встань поближе, – попросил Денис. – Нет, вот сюда, к подлокотнику.

Таня покорно придвинулась к коляске, следуя за рукой Дениса.

– Между прочим, я хорошо катаюсь на велосипеде, и с координацией у меня все в порядке. Так что с коляской уж как-нибудь...

– Таня, спиной повернись, пожалуйста, – перебил ее Денис.

– Зачем? – удивилась Таня, ничего не понимая и поворачиваясь к Денису спиной. – Что там у меня?

Денис положил пакет с яблоками на траву.

– Что вы молчите? – рассердилась она и оглянулась назад. – Испачкалась, что ли?

Денис перегнулся набок, легко взял Таню на руки и посадил себе на колени, так что Танины ноги свесились с подлокотника. Затем обнял ее, и Танино худенькое тело оказалось объято со всех сторон грудой мускул. У нее закружилась голова, и все ее существо затрепетало так, как трепещут от страха и неизвестности лесные птицы, привыкшие жить на свободе и вдруг по воле случая оказавшиеся в плену человеческих рук. Сердце у Тани остановилось на мгновение, и она едва не лишилась рассудка от обрушившегося на нее счастья.